УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-30-34

Мурсалимов Камилъ Рамилевич
Kamil' R. Mursalimov

кандидат юридических наук, доцент, ведущий эксперт отдела нормативно-правового обеспечения организационно-аналитического управления
Следственный департамент МВД России (125009, Москва, Газетный пер., 6)

candidate of sciences (law), associate professor, leading expert of the department of legal support organizational and analytical management

Investigation department of the Russian interior Ministry (6 Gazetny lane, Moscow, Russian Federation, 125009)

E-mail: mkr1976@yandex.ru

Коллизии в праве — негативный фактор правообразующей деятельности (на примере регулирования правоохранительной деятельности)

Conflicts in law — a negative factor of law-making activities (for example, the regulation of law enforcement)

В статье рассматриваются дефекты правообразующей деятельности, негативно влияющие на правоохранительную деятельность. Исследуются теоретические и практические аспекты несогласованности гражданско-правовых, уголовно-правовых и гражданско-правовых положений на основе конкретных примеров.

The article deals with the defects of law-making activities negatively affecting law enforcement. Theoretical and practical aspects of inconsistency of civil, criminal and civil law provisions on the basis of concrete examples are investigated.

Ключевые слова: правообразующая деятельность, правоохранительная деятельность, законодательство, нормативный правовой акт, отрасль права, коллизия в праве, усмотрение в праве.

Keywords: lawmaking activities, law enforcement activities, legislation, regulation, branch of law, conflicts of law, the discretion in the law.

Важными принципами правообразующей деятельности являются стабильность и динамизм правовых установлений, внутренняя согласованность правовых решений.

Стабильность и гибкость законодательства — два диалектически взаимосвязанных неразрывных свойства.

Стабильность нормативного правового акта представляет собой неизменное регламентирование определенных общественных отношений. Данное свойство характеризует устойчивость законодательства в соответствующих промежутках времени. Вместе с тем, в целях устойчивого развития необходима социальная обусловленность правовых положений. Адекватность отражения в нормативном правовом акте потребностей социума обеспечивается со-

ответствующими изменениями правовых норм. При этом стабильность нормативного правового акта достигается лишь путем внесения таких изменений, которые направлены на приведение его в соответствие с существующими общественными отношениями.

Нарушению стабильности развития законодательства и эффективности его правоприменения способствует принятие некачественных нормативных правовых актов. Это, как правило, приводит к ускорению правообразующего процесса и внесению дополнительных изменений. Однако такое лавинообразное изменение законодательства приводит к значительному ухудшению качества правового материала, нарушению логических взаимосвязей его частей, появлению правовых положений, которые не

© Мурсалимов К.Р., 2020

коррелируют с существующими. В конечном итоге такие изменения законодательства порождают правоприменительные ошибки, влияющие на формирование негативного отношения населения к государству.

В этой связи существует объективная необходимость создания таких правовых положений, стабильность которых будет исчисляться длительными временными отрезками. Соответственно изменения законодательства должны быть обусловлены глубинными социальными причинами, определением социально-экономических и политико-правовых последствий на основе научно обоснованного подхода.

В правоохранительной деятельности особое значение придается качеству нормативно-правовой базы. Это связано, прежде всего, с тем, что при охране и защите законных прав и свобод личности, особенно в ходе уголовного судопроизводства, выносятся судьбоносные решения, назначаются самые строгие наказания. В соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 года № 270-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности оказывается недостаточным.

Правотворческие ошибки, порождающие несправедливые судебные решения, имеют резонансное социально-политическое значение и существенные негативные последствия. Поэтому следует очень осторожно вносить какие-либо правотворческие новации в данной сфере. Обоснованность таких изменений должна быть подтверждена правоприменительной практикой, статистическими и иными объективными данными, свидетельствующими о неэффективности действующих правовых норм.

Вместе с тем, не всегда принимаются взвешенные правотворческие решения, основанные на принципах системности и научности. Несогласованность правовых положений особенно проявляется на межотраслевом уровне, когда новации в одной отрасли права требуют коррелирующих изменений в другой.

Так, существует определенная несогласованность между уголовными, уголовно-процессуальными и гражданско-правовыми нормами.

В частности, при расследовании уголовных дел устанавливаются данные, свидетельствующие о хищении денег, находящихся на расчетном счете в кредитной организации (путем перечисления их с одного счета на другой). Такие денежные средства в органах предварительного расследования признаются вещественными доказательствами и в соответствии с частью 2 статьи 82 и статьей 115 УПК РФ на указанные средства накладывается арест.

Согласно статье 82 УПК РФ и постановлению Правительства РФ от 8 мая 2015 года № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» (вместе с Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам), должностные лица органов предварительного расследования обращаются в суд с ходатайством о снятии ареста и перечислении денежных средств на счет потерпевшего для осуществления им хранения названных вещественных доказательств.

При этом вещественные доказательства в виде денег, хранящихся на счетах в банке или иной кредитной организации либо в финансовом подразделении уполномоченного органа, принявшего решение об изъятии указанных вещественных доказательств, перечисляются в безналичной форме или передаются в наличной форме с учетом заявления заинтересованных лиц.

Вместе с тем, в статье 128 ГК РФ объекты гражданских прав разделяются на вещи и иное имущество (в т. ч. безналичные денежные средства).

Согласно статье 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются предметы, имеющие индивидуальные признаки, позволяющие обособить их от других вещей. Доказательственное значение имеют их физические свойства, являющиеся носителями доказательственной информации. «Предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами преступления, — это любые материальные объекты, специально предназначенные, изготовленные или приспособленные либо найденные на месте, которые были использованы для подготовки или совершения преступления, а равно для сокрытия его следов» [2, с. 211].

Таким образом, наделение безналичных денежных средств статусом вещественных дока-

зательств уголовно-процессуальными нормами не соответствует трактовке понятия «вещь» в гражданском праве. Безналичные денежные средства не обладают признаками вещи [3, с. 211].

Проблема применения некоторых нормативных правовых актов связана с неточностью, неоднозначностью или отсутствием определений закрепленных понятий. Так, в частности, одни из них полагают, что юридические определения должны даваться всем терминам, имеющим решающее значение для правового регулирования, а также понятиям, не имеющим общераспространенного употребления или употребляемым в более узком или существенно ином значении по сравнению с общеизвестными [4, с. 126]. Другие убеждены в том, что в законе, обращенном ко всему обществу или значительной его части, каждый юридический термин должен найти свое разъяснение [5, с. 99]. Третьи же, наоборот, предостерегают от чрезмерного увлечения определениями, поскольку они делают правовую норму негибкой [6, с. 279].

В статье 193 УК РФ употребляется термин «внешнеторговые договоры (контракты)». Однако в ГК РФ данный термин не используется. В Федеральном законе от 8 декабря 2003 года № 163-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (например, ст. 14), а также в Федеральном законе от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О валютном регулировании и валютном контроле» (например, ст. 4) закрепляется понятие «международный торговый договор».

В этой связи обоснованным представляется универсализация терминологии, используемой в различных отраслях права.

Важной в правоохранительной сфере является проблема возмещения ущерба, что обусловливается, с одной стороны, возрастанием размера вреда, причиняемого преступлениями хозяйствующим субъектам, государству, и, с другой стороны — сложностями при выявлении и раскрытии правонарушений в сфере экономической деятельности (например, налоговых преступлений или преступлений в сфере банкротства), которые обуславливают неэффективность мер по возмещению причиненного вреда.

Снижению эффективности обеспечительных мер по возмещению ущерба способствует совершение правонарушений по сокрытию имущества, формально соответствующих подпункту 1 пункта 5.1 статьи 64 ГК РФ и пункту 9 статьи 142 Федерального закона от

26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которым требования кредиторов, не удовлетворенные из-за недостаточности имущества банкрота, считаются погашенными. Преступники умышленно переводят имущественные активы в пользу аффилированных лиц по заниженной стоимости, совершают сделки с нулевой или отрицательной ликвидностью, что приводит к планируемой злоумышленниками неплатежеспособности, наступающей, как правило, одновременно с отсутствием ликвидного имущества на балансе должника, в составе конкурсной массы и невозможностью его использования при возмещении ущерба потерпевшим кредиторам.

Важно отметить, что одной из причин появления правовых коллизий является наличие коррупционного фактора на правотворческом уровне при создании нормативных правовых актов. В соответствии с частью 2 статьи 1 Федерального закона от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» коррупционными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

В целях противодействия коррупционным проявлениям в правотворческой сфере помимо вышеуказанного Федерального закона принят ряд нормативных правовых актов, таких как постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»), приказ Минюста России от 27 июля 2012 года № 146 (ред. от 29.09.2017) «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъ-

явивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации», приказ Минюста России от 21 октября 2011 года № 363 (ред. от 18.01.2013) «Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы».

Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 определяется перечень коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. К таковым в том числе относятся «нормативные коллизии — противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае» [7, подп. «и» п. 3].

Таким образом, правовые коллизии могут выражаться в предоставлении «излишнего» усмотрения правоприменителю, что влечет с большой вероятностью принятие ошибочного решения или совершения коррупционного деяния.

Неизбежность усмотрения в юридической деятельности обуславливается рядом обстоятельств.

Во-первых, невозможностью с помощью правовых норм урегулировать каждое общественное отношение, пусть даже нуждающееся в таковом в данный момент. Количество общественных отношений, регулирование которых необходимо, весьма велико. Кроме того, каждый жизненный факт уникален, поэтому конкретные общественные отношения не повторяются. В этой связи устанавливаются абстрактные правовые нормы, рассчитанные на многократное применение к общественным отношениям, имеющим общие сущностные признаки.

Во-вторых, законодательство объективно отстает в развитии от общественных отношений. Например, появляются новые общественные отношения в информационно-телекоммуникационной сфере (система «Интернет», банковские карты и др.), медицине (искусственное создание человека, его органов и др.).

Указанные причины обуславливают наличие правоприменительного решения, основанного на внутреннем убеждении, жизненном опыте, в

соответствии с субъективным представлением согласно уровню собственного правосознания.

Таким образом, объективное отставание права от развития общественных отношений обуславливает наличие усмотрения в юридической деятельности (например, судебское усмотрение, усмотрение следователя и др.), которое способствует появлению юридических ошибок.

В силу нетождественности одной жизненной ситуации другой правоприменитель вынужден творчески подходить к каждому разрешаемому им делу, создавать нечто новое. Однако именно это порождает ошибки. При этом справедливо отметил Ф. Регельсбергер, что судья не имеет права уклониться от вынесения решения по делу при отсутствии соответствующей нормы права [8, с. 165].

К сожалению высокий уровень правосознания достигается при суммировании ряда факторов: наличие юридического образования и соответствующих знаний, опыта работы, высоких моральных качеств. Однако современная юридическая практика свидетельствует о невысоком уровне правосознания в силу разных причин (как правило, из-за отсутствия знаний и опыта работы). Поэтому вполне оправданным представляется мнение о том, что «чем меньше принимается решений по усмотрению правоприменителя, тем выше уровень законности в государстве» [9, с. 142].

Усмотрению лица присуща определенная свобода в правовой оценке жизненных обстоятельств. Правоприменитель действует в состоянии неопределенности, которая зависит от того, насколько правом урегулирована возникшая жизненная ситуация.

В этой связи один из авторов полагает, что установленное правовое регулирование дополняется правовой позицией разрешающего дело лица [10]. Девис К.К. отмечает, что «должностное лицо обладает усмотрением всякий раз как эффективные пределы его полномочий оставляют его свободным осуществлять выбор между возможными направлениями действия или бездействия» [11].

Степень наличия усмотрения юриста обуславливается той правовой системой, в которой он осуществляет свою деятельность. Приобщенность российской правовой системы к романо-германской правовой семье позволяет констатировать, что рамки усмотрения определяются уровнем абстрактности нормативно-правового регулирования.

Таким образом, согласование правовых положений является неотъемлемой частью

правообразующего процесса. Нарушение правил юридической технологии, неправильное использование средств юридической техники, коррупциогенные факторы могут привести к существенным негативным правовым и внеправовым последствиям (социальным, экономическим, политическим и др.), особенно в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Примечания

1. Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.
2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 14-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2017.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под общ. ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2017. Т. 1. 401 с.
4. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
5. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.
6. Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании / пер. с чешск. М., 1987.
7. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10, ст. 1084.
8. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897.
9. Никитин А.А. Законность и правоприменительное усмотрение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 142—145.

10. Маликов М.К. Проблемы усмотрения правоприменителя: природа, признаки, пределы. Уфа, 1990.

11. Davis K.C. Discretionary justice in Europe and America. Urbana, Chicago and London, 1976. 203 p. (In Eng.).

References

1. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2003, no. 5. (In Russ.)
2. Bezlepkina B.T. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. 14th ed., rev. and add. Moscow: "Prospect" Publ., 2017. (In Russ.)
3. Civil law: textbook: in 2 vol. / under the general. ed. M.V. Karpichev, A.M. Khuzhin. Moscow: Publishing House FORUM: INFRA-M, 2017. Vol. 1. 401 p. (In Russ.)
4. The language of law / ed. A.S. Pigolkina. Moscow, 1990. (In Russ.)
5. Kerimov D.A. Culture and technology of lawmaking. Moscow, 1991. (In Russ.)
6. Knapp V., Gerloh A. Logic in the legal consciousness / trans. from Czech. Moscow, 1987. (In Russ.)
7. Methodology for conducting anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 no. 96. *Collection of legislative acts of the RF*, 2010, no. 10, art. 1084. (In Russ.)
8. Regelsberger F. General doctrine of law. Moscow, 1897. (In Russ.)
9. Nikitin A.A. Legality and enforcement discretion. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2015, no. 4 (105), pp. 142—145. (In Russ.)
10. Malikov M.K. Law Enforcement Issues: Nature, Signs, Limits. Ufa, 1990. (In Russ.)
11. Davis K.C. Discretionary justice in Europe and America. Urbana, Chicago and London, 1976. 203 p. (In Russ.)